

Расчет вероятностей

Татьяна Виноградова

— Ну что? — спросил капитан подошедшего техника.
— Бесполезно, сэр. Я же не компьютерщик. С вашего позволения, сэр. Это что-то в главном процессоре. Я не могу даже запустить сканирование двигателей.

— А второй?

— То же самое. Взлететь мы не можем.

— Значит, и связи тоже нет?

— Нет, сэр. Я ничего не могу сделать.

— А автономный передатчик?

Автономный передатчик был последней надеждой. Во взводах были полевые рации многоканального управления боем, но они не обеспечивали нужной дальности связи.

— А автономный передатчик разбило при посадке вместе с пультом второго пилота, сэр.

«И вместе с головой второго пилота», — мысленно закончил капитан. Вслух же он произнес:

— Хорошо, идите, помогите доктору наладить его оборудование.

Он оглянулся. Серебристый купол медпункта был уже развернут, и ротный врач с помощью молодого санитаря вправлял вывих плеча. Новые противоперегрузочные кресла оказались настоящим чудом — если бы не они, пострадавших было бы гораздо больше. Два киборга — русский и темноволосый — с помощью ультразвукового бура закрепляли растяжки жилого модуля первого взвода. Ощущение было такое, будто что-то щечочет зубы. На миг в движениях русого капитану почудилась какая-то неправильность. Капитан сморгнул, и ощущение исчезло. Движения обоих киборгов были одинаково размеренными и точными.

«Здесь даже не окопаешься», — подумал капитан, отводя глаза. Плоская, поросшая мхами и невысокими палкообразными растениями поверхность казалась ровной и надежной. Но при первом же шаге иллюзия рассеивалась — ноги по щиколотку проваливались сквозь мох в слой воды и жидкой грязи, а ниже были камни, неровные, округлые, будто здесь когда-то прошел ледник. Возможно, так оно и было. Но сейчас естественная история капитана не интересовала. Он сел на раскладную табуретку, достал планшетку, вывел на экран карту и заскользил пальцами по контурам возвышенностей и впадин, периодически увеличивая тот или иной фрагмент.

Через некоторое время подошедший ординарец сообщил, что его палатка поставлена.

— Время обеда, сэр. Прикажете раздать пайки?

— Половинный рацион, — задумчиво отозвался капитан. Сухпайков должно было хватить на двое суток.

— И киборгам?

— А киборгам — полный и двойную порцию сахара.

Лицо ординарца стало бесстрастным — это означало крайнюю степень недовольства, но отношение подчиненных к его решениям занимало капитана еще меньше, чем естественная история.

— К половине третьего я хотел бы видеть командиров взводов, — сказал он. — Потрудитесь, пожалуйста, их оповестить.

Дождавшись уставного «Есть, сэр», он кивком отпустил солдата и вернулся к размышлениям.

— Старшина, не могли бы вы посмотреть вместе со мной? — обратился он к проходившему мимо командиру разведвзвода, к которому, собственно, были приписаны киборги.

— Сэр?

— Смотрите. Мы — здесь. Вот ближайшие населенные пункты, а линия фронта — тут. Мы в глубоком тылу.

— Только не с той стороны, с какой надо, сэр.

— Вот именно. Зато здесь безлюдная местность, и вряд ли фрейяне догадываются, что мы остались в живых. Они нас искать не будут.

— Но и наши тоже.

— Да. Надо послать кого-то... киборга.

— Вместе с человеком?

— Нет. Вы не знаете здешних болот. Человек тут не пройдет. Только киборг... а лучше двое.

— Оба? Но, сэр...

— Да?

— Мы тут как тараканы на столе, сэр, — решил старшина. — Надо построить укрытия из камней. Хоть стенки, чтобы можно было вести огонь. Киборг был бы большим подспорьем.

Капитан оторвался от планшета и посмотрел на старшину с тем сосредоточенно-восхищенным видом, с каким, вероятно, опытный зоолог рассматривает редкостного кишечного паразита.

— Виноват, сэр. Вы правы. Солдаты справятся с этим и без киборга, — сокрушенно произнес объект его внимания.

— Я тоже так думаю, — спокойно согласился капитан. — Переход займет по самым скромным оценкам дней пять по болоту, да еще дня три-четыре через линию фронта. Положим, пять. Надо организовать добычу пропитания. Тут есть какие-то лягушки...

Старшина кивнул. Здешние лягушки были размером с хорошую собаку, на коротких раскоряченных лапах. Добыть такую не составит труда, но их здесь двести человек... за десять дней они съедят не только окрестных лягушек, но и мох, и камни под ним.

— Меры по укреплению лагеря мы обсудим после обеда. Прошу вас проследить лично, чтобы киборги получили весь запас комбикорма и сахара.

— Есть, сэр.

— А сейчас пришлите мне их. Я сам разьясню им за-дачу.

Оскальзываясь на камнях, к ним приближался ординарец с подносом. На подносе виднелись полплитки концентрата, стакан с жидкостью неопределенного цвета и изысканно свернутая конусом крахмальная салфетка.

Двое — русский и темноволосый — стояли навтыжку с такой безукоризненной выправкой, которая ввергла бы в зависть гвардейца церемониального полка. На рукаве русого рыжело пятно, а многозначный индивидуальный номер заканчивался на «68». Номер темноволосого заканчивался на «39». Для простоты их называли «восьмой» и «девятый».

— Вольно, — произнес капитан. В позе «вольно» киборги расходовали на пять процентов энергии меньше, и он никогда не забывал об этом. Поза двоих едва заметно изменилась.

— Ваша цель — добраться до расположения Третьей Новобританской бригады и передать полковнику Роджерсу сообщение, записанное в файле триста двадцать пять, которое вы сейчас скачаете с моего планшета. Ваш маршрут будет следующим. Смотрите, — капитан развернул планшет так, чтобы киборги могли воспринимать информацию не только беспроводно, но и визуально, — вот здесь — мы. Вы выйдете из лагеря и, двигаясь в юго-юго-западном направлении, дойдете до этой точки. Здесь начинается болото. Оно тянется с востока на запад до плоскогорья Нарух. Вы пересечете его здесь и выйдете на Орскую возвышенность. Тут есть населенные пункты — вот и вот — и одиночные хутора, но их вы обойдете. Это самая легкая часть пути. Примерно отсюда...

Русый автоматически записывал все, что говорил человек. Капитан был ему симпатичен. Всегда сдержанный, уравновешенный, с киборгами он обращался в точности как со своими рядовыми. С людьми. С той же спокойной уверенностью в своих правах, с тем же безукоризненным соблюдением дистанции и без пренебрежения. Он, например, никогда не говорил: «Эй, кибер, подай-ка мне чаю» (слова «подай» в его лексиконе не было вообще). Он говорил: «Восьмой, сделай мне чаю, пожалуйста». Слово «пожалуйста» было автоматической данью привычке, но киборг ценил.

Однажды вновь назначенный в четвертый взвод сержант в кругу сослуживцев поднял его на смех за это его «пожалуйста», обращенное к киборгу. «Лощеный хлыщ, маменькин сынок, выпендривается», — сказал он. На него посмотрели с вежливым интересом, бессознательно копируя манеру поведения капитана, и посоветовали ознакомиться с послужным списком последнего. Новенький полез в бутылку и высказался нецензурно. Взгляды присутствующих стали задумчиво-изучающими. А еще через неделю новичок подал рапорт о переводе — и начальство его утвердило.

— Восьмой, ты — номер первый.

Это не было назначением старшего — просто распределением обязанностей. Чтобы две машины не впали в

ступор, решая, кто разводит костер, а кто идет за водой.

— Зайдите к старшине за снаряжением и пайком. Выйдете утром, с рассветом. Вопросы есть?

Вопросов не последовало. Русский уже скачал с планшета капитана всю дополнительную информацию, касающуюся маршрута — рельеф, данные разведки о расположении частей противника, — и знал, что его напарник сделал то же.

— Нет? Тогда возвращайтесь к своим обязанностям.

Два киборга слаженно развернулись и пошли прочь, с нечеловеческой точностью ступая по скользким камням, скрытым под слоем мха.

Лагерь и тяжело осевший набок катер остались за спиной, и русский позволил себе расслабиться. Его движения, сохраняя точность, тем не менее стали свободнее, взгляд ожил, выражение лица сделалось осмысленным. Он поглядывал на спутника, однако не видел на лице того ни тени эмоций. Впрочем, он уже оставил попытки наладить с ним контакт, иной, чем обмен рабочими файлами.

Он шел, механически переставляя ноги. Инфракрасное зрение не помогало, но ультразвуковой сканер позволял «увидеть» опору под ровным слоем мха. Шаг за шагом, движение за движением. Мыслей в его голове не было, были только ощущения.

Он давно понял, что чем-то отличается от своих братьев. И очень скоро осознал, насколько это опасно. В тот раз он впервые — за несколько месяцев — уловил в мозгу своего сотоварища ответный сигнал. Мысль, не предусмотренную программой. «Кто ты? Ты такой же, как я?»

В этот день была проверка вегетативных рефлексов. Изменения кровяного давления, пульса, диаметра зрачка и еще полутора десятка параметров в различных условиях среды. Показатели его собрата резко отличались от стандарта. Техник, обслуживающий установку, равнодушно бросил: «Брак». Русский был следующим. Он продемонстрировал безукоризненные физиологические реакции. И с тех пор его умение скрывать эмоции совершенствовалось.

Он не боялся смерти. Этот страх, излишний с точки зрения разработчиков, был подавлен не только на уровне управления процессором, но и физиологически, и генетически. Но это не значило, что киборг не хотел жить.

Он не жалел о том, что он — киборг, и не завидовал людям. Киборги созданы для удобства людей. Это была данность, и он жил с этой данностью. Он был создан, и это уже было хорошо.

Но было бы проще, если бы он вообще ничего не чувствовал. Как его напарник, идущий сейчас рядом.

К вечеру они вышли к краю великого болота.

Впереди возвышались тридцатиметровые зеленые чешуйчатые стволы с длинными ремневидными листьями. Они прорастали прямо сквозь слой воды и густой взвеси органики, сквозь останки вкривь и вкось лежащих под водой погибших деревьев прошлых поколений, заполняющие гигантскую котловину. Через триста миллионов лет здесь будут залежи каменного угля.

Между упавшими стволами плавали медлительные тупомордые рыбы и полуметровые членистые твари с огромными заостренными жвалами. База данных сообщала о возможной ядовитости этих существ.

Только теперь русский понял, почему капитан считал это болото непроходимым для людей. Идти придется, перебираясь с одного скрытого под водой ствола на другой. Между ними на много метров в глубину — слой гнилой трухи, в которой киборгу увязнуть будет так же просто, как и человеку.

Киборг замер, оценивая обстановку. Световой день еще не кончился, кроме того, в темноте киборги ориентируются лучше людей. Но ближайшие несколько дней придется провести в боевом режиме, по колено, а то и по пояс в воде. Большие затраты энергии на работу наноимплантатов и поддержание физиологически оптимальной температуры тела.

Он повернулся к напарнику. Напарник спокойно ждал сигнала к продолжению движения.

«Оптимальное тактическое решение: прервать движение на четыре с половиной часа».

Это последний — на несколько дней вперед — шанс согреть пищу и выспаться.

Не сговариваясь, киборги разошлись в разные стороны — собрать топливо, приготовить подстилку для сна, развести костер, вскипятить воду.

Русый добыл небольшую рыбу. Комбикорм следовало поберечь. Они сварили в котелке месиво из рыбы и сердцевинки какого-то растения, богатой крахмалом. Конечно, они могли съесть все это и в сыром виде. Но термически обработанная органика лучше усваивалась, и к тому же горячая пища стимулировала работу желудочно-кишечного тракта. Кроме того, русский в последнее время обнаружил, что вареная и жареная еда приятнее, чем сырая. В месиве попадались чешуя и фрагменты кишечника, но киборгов это не смутило.

На следующий день они углубились в болото.

Осторожно наступая на не видимые под водой бревна, прощупывая пространство перед собой сканерами, киборги медленно продвигались вперед. В некоторых местах им даже удавалось проплыть несколько метров, но чаще они возвращались назад и шли в обход — когда вместо открытых окон воды впереди была вязкая полужидкая каша, без малейших признаков опоры. Это продолжалось уже третьи сутки. Они пили коричневую, насыщенную гуминовыми кислотами воду, зачерпывая ее прямо ладонями, и трижды в сутки разводили в этой воде комбикорм. Оба не выходили из боевого режима и уже два раза за истекшее время по очереди штатно отключались на пятнадцать минут для проверки систем, страхуя друг друга. И сейчас, несмотря ни на что, они были ближе к цели, чем сегодня утром.

Внезапно под ногой темноволосого, шедшего позади русого по колено в воде, что-то хрустнуло, и он мгновенно погрузился почти по пояс. Он рванулся и погрузился еще на пару сантиметров.

— Не двигайся! — резко сказал, обернувшись, русский. Более резко, чем это позволено бездушной машине. Но его напарник и так замер.

Русый осторожно приблизился, ощупывая опору. Дотянуться до напарника рукой не получалось. Внизу что-то угрожающе подрагивало. Если он кинет темноволосому веревку...

Но все зависит от того, будет ли опора под его собственными ногами надежной.

Русый скинул с плеч небольшой рюкзак, мокрый и грязный. Бухта тонкого троса была тут — он сам упаковал ее перед дорогой.

Размотав конец, киборг кинул его темноволосому, и тот без слов и без дополнительной команды обвязал себя под мышками.

Русый аккуратно потянул, перебирая руками. Никакого эффекта, если не считать того, что под ногами теперь не только подрагивало, но и потрескивало, и погружалось в жидкий ил. Его ультразвуковые сканеры непрерывно ощупывали опору, определяя степень ее надежности.

«Вероятность гибели обеих боевых единиц при проведении спасательных работ: 45%. Вероятность выживания обеих боевых единиц: 36,85%. Рекомендуется изучить возможность изменения направления действия силы».

— Отвяжи веревку, — произнес русский. Почему-то пользоваться голосовым режимом казалось правильнее, чем передавать команду по беспроводному каналу.

Темноволосый беспрекословно отвязал конец. Его лицо было равнодушно, стеклянный взгляд не выражал никаких эмоций. Он погрузился еще на три сантиметра.

Русый выбрал конец, смотал его в аккуратную бухту и двинулся в обход, оценивая стволы — как скрытые под водой, так и те, что возвышались над ней. Ему следовало найти достаточно надежную ветку, нависающую над водой, и постараться перекинуть через нее веревку, как через блок.

К несчастью, ни один из чешуйчатых представителей растительности не подходил для замысла. Ну, разве что этот... Тонковат, зато все остальные расположены так, что вектор силы будет крайне невыгодным.

Перед мысленным взором киборга непрерывно сменялись цифры — вероятность вытащить темноволосого падала с каждой минутой. Но торопиться было нельзя.

Темноволосый по-прежнему был неподвижен и спокоен, только поворачивал голову, отслеживая перемещения номера первого.

Русый собрал трос в клубок и экономным, точным движением метнул его вверх. Продвинувшись вперед, он дотянулся до кончика веревки и потянул ее на себя. Подергал получившуюся петлю. Прислушался к ощущениям.

«Вероятность гибели обеих боевых единиц при проведении спасательных работ: 17%. Вероятность выживания обеих боевых единиц: 45,65%. Рекомендуется провести оценку вероятности успешного выполнения боевой задачи в одиночку».

Если вероятность одновременного выживания обоих лежала в области от 45 до 55% и при этом задание возможно было выполнить в одиночку с вероятностью успеха выше 50%, следовало оставить напарника и продолжить маршрут.

«Вероятность успешного выполнения боевой задачи в одиночку: недостаточно данных для анализа».

Русый впервые оказался в ситуации, когда программа не могла помочь сделать выбор. Обычно решение — включать или не включать инфракрасное зрение, активировать или не активировать боевой режим — зависело от поставленной задачи и оценки ситуации, и потому принимать его было легко. Фактически речь всегда шла о расчете вероятностей нескольких взаимосвязанных

ФАНТАСТИКА

событий. Выбор усредненного варианта. Сейчас выбор предстояло сделать без подсказки процессора.

Если он промедлит еще несколько минут, критический минимум в 45% будет достигнут. Тогда принимать самостоятельное решение не придется. Он будет действовать, как предписано программой.

Если он будет медлить, тем самым он примет решение.

Если он примет решение оставить напарника, ему надо забрать у того его долю комбикорма и остатки сахара. Пока это еще возможно.

Киборг встрепенулся. Собрав трос в несколько петель, он бросил их напарнику, и тот, перехватив их в воздухе, вновь обвязал себя.

Теперь русому было проще, несмотря на то что номер второй сейчас погрузился глубже, чем вначале. Он тянул осторожно, пользуясь своим весом, и при этом сила противодействия была направлена не вниз, а вверх, что сильно снижало риск.

Сначала ничего не происходило. Затем тело напарника чуть подалось вперед и вверх. Затем дело пошло легче.

Затем ветка с громким треском рухнула в воду.

Русый, не удержавшись, сделал шаг назад и погрузился в киселеподобную грязь.

От перелома его спасла только повышенная прочность костей. Нога была зажата лежащими под водой обломками и неестественно вывернута, вторая, не встречая сопротивления, не давала и опоры.

Но веревку он не выпустил.

Русый постарался переменить позу, развернуться и найти руками тот ствол, на котором стоял перед этим. Погрузив лицо в воду и распластавшись по ее поверхности, он осторожно высвободил ногу и подтянулся.

Теперь он сидел на чем-то достаточно устойчивом. Взвесь ила с водой доходила ему до подбородка.

Если он не вытащит номера второго, некому будет исправить ему вывих. Но для этого нужно встать.

Он смог приподняться на колени и осмотреться.

Напарник, как оказалось, тоже сумел высвободиться и сейчас барахтался, подтягиваясь руками. Он все еще был обвязан веревкой, но сейчас это ничем помочь не могло.

Через двое суток они вышли на Орскую возвышенность. Нога еще ныла, и первое, что русский сделал с помощью второго, — наложил фиксирующую повязку, чего они до сих пор не смогли сделать, на ощупь, в жидкой грязи.

После десятичасового привала — киборги сушили одежду, готовили еду и по очереди спали — они смогли продолжить движение. Комбикорма у них не осталось — только немного сахара во влагонепроницаемой упаковке.

Пересечение возвышенности действительно было настоящим отдыхом по сравнению с предыдущим отрезком пути.

Еще через трое суток они перешли линию фронта.

Через два часа после того, как они разыскали расположение Третьей Новобританской бригады, к затерянной за линией фронта роте вылетел катер в сопровождении звена истребителей.

Двое — русский и темноволосый — стояли навтыжку перед человеком.

— Вольно, — произнес капитан. — Номер первый, докладывай.

Киборг начал докладывать — монотонно, без выражения, опуская ненужные подробности и сосредоточившись на новых разведданных. Наконец он замолчал.

— Хорошо, — сказал капитан. И после паузы, едва заметной для человека, но ощутимой для киборга, прибавил: — Молодцы.

Возможно, это было еще одной автоматической реакцией. Но русому показалось, что это не так. Пятьдесят восемь процентов вероятности.

Никогда раньше — да и никогда потом, если честно, — ни один из армейских начальников русого не хвалил его, даже так скупо.

Физиологические реакции были в норме. Вот только зрачки расширились на долю секунды — но человеческий глаз не должен был это уловить.

— Скинь мне файлы о последних двух днях пути, — приказал капитан. И когда перекачка данных была завершена, прибавил: — Сейчас — на медосмотр. Затем ступайте ужинать. Скажите повару, что я велел выдать вам удвоенный паек. Можете идти.

Киборги развернулись и направились к выходу.

— Восьмой, задержишься, — внезапно сказал капитан. Его не оставляло чувство, что только что он увидел нечто важное, что он не мог определить словами.

Русый послушно остановился и развернулся. Его напарник закрыл за собой дверь.

С минуту капитан разглядывал киборга — серьезно и испытующе. Киборг, держа безукоризненную осанку, равнодушно смотрел прямо перед собой.

— Нет, ничего, — пробормотал наконец капитан. — Показалось. — И уже громче прибавил: — Иди.

Русый развернулся и вышел. Дверь за ним с шелестом закрылась.

В столовой двести здоровых и жизнерадостных парней стояли в очереди на раздачу или сидели за длинными столами, перешучиваясь, толкая и подначивая друг друга от избытка эмоций. Двое — русский и темноволосый — с ничего не выражающими лицами поглощали комбикорм, сидя за специально отведенным им угловым столиком.

